

УГРОЗА МОДЕРНИЗАЦИИ

Если человек не верит в Бога, то духовный мир для его непосредственного внутреннего опыта та закрыт. Когда он говорит о религии, то похож на глухого, рассуждающего о музыке, и на слепого, который спорит о цветах и красках. Конечно, для неверующего такой реалии духовной жизни, как благодать, не существует. Переживание благодати ему недоступно. Сказать «не знаю» ему препятствует гордость, поэтому он судит о духовном мире по своим собственным представлениям. Он — как червь, который воспринимает мир через ощущения.

Каким потенциалом религиозных знаний о вере обладает неверующий? Воспринять и оценить мистический опыт, изложенный в патристике, хотя бы и в малом своем личном опыте, он не хочет и не может. Для этого ему потребовалось бы изменить всю жизнь. Поэтому святоотеческие творения, если он даже и возьмется их читать, не найдут правильного отклика в его сердце, не вызовут ответного мистического переживания. Скорее всего он закроет книгу, прочитав несколько страниц и ничего из прочитанного не поняв, а затем будет фантазировать, приписывая святым отцам свои собственные эмоции и страсти. Даже

серьезные исследователи, недостаточно включенные в духовную жизнь, пытаются объяснить мистику через психологию, запутывались в лабиринте возникающих противоречий.

Люди религиозные, но не церковные чаще всего подменяли благодатный духовный опыт боготворения пантеистическим опытом — демоническим опытом самообожествления, где, разумеется, нет никакой благодати, а только душевные эмоции и экстазы. Но если мы обратимся и к православному миру, то увидим странный парадокс: люди, принимающие православное вероучение, в то же время не ищут в религии самого главного — ее основы, ее жизни — благодати. Суть религии видится им в исполнении ритуала или совершении добрых дел, а внутренняя жизнь, хранение души от греховных впечатлений, очищение ума от помыслов и сердца от страстей, стремление к непрестанной молитве, внутреннее безмолвие — все это для большинства православных как бы забытая страница прошедшей истории Церкви. Они не отвращают от внутренней жизни, но сердце их принадлежит внешнему.

Как стяжать благодать — это сокровище Православной Церкви, которого лишены другие вероисповедания? Благодать приобретается через смирение, смирение — через послушание. Самый верный и краткий путь стяжания благодати — быть в послушании у того, кто ее имеет. Человека, прошедшего путь стяжания благодати, очистившего от греха свое сердце, насколько это возможно людям, утончившего свой ум благодатью

и способного в свете ее видеть души других людей и руководить ими, называют старцем, то есть приобретшим духовную мудрость, так как старость — символ мудрости. Духовные дары старцев передаются их ученикам через послушание, делающее наставника и учеников как бы одной душой или единым стволем с привитыми к нему молодыми ветвями. Впоследствии ученики сами становятся старцами. Старец, не имея учеников, послушных ему, не может никому передать свои знания и умирает, как одинокий богач. А не пройдя ступени послушания, невозможно самому стать старцем.

Некоторые недоумевают: разве в миру невозможно угодить Богу и очистить от грехов свое сердце? На это святые отцы категорически отвечают: «Спасение в мире возможно. Оно достигается исполнением заповедей, но иметь непрестанную молитву, глубокое самопознание и проникать глубины собственной души как бы до ее дна возможно только при определенных условиях: в удалении от мира, безмолвии и послушании».

Преподобный Макарий Великий пишет, что хотя душа человека по природе проста, но она имеет разные глубины, как бы множество обителей. Иногда человеку кажется, что он очистил свою душу, но это самообман: под одним этажом находится другой, и человек не знает, какие звери и гады таятся там. Это ложное бесстрашие губило многих подвижников, которые, не познав тайников своей собственной души, а только отразив немногие искушения, преждевременно

праздновали победу. Если можно продолжить это сравнение, то люди, занятые лишь внешними добродетелями, заняты тем, что убирают балконы и прихожие своего дома, а внутренние комнаты остаются покрытыми пылью и грязью. Православные подвижники борются с грехом в глубине своего сердца — там, где зарождается грех, где помыслы принимают формы слов и образов. Они открывают двери внутренних тайников, запертые для тех, кто живет в миру, в безудержном потоке сменяющихся впечатлений. Эти внешние впечатления непрестанно тревожат нашу память, возбуждают страсти, и наша душа в миру, как волнующееся озеро, не может своей поверхностью отразить небо. В безмолвии человек видит бездну своих грехов, в миру он обычно замечает только поступки, поэтому у живущих в миру и в пустыне покакаяние по своей силе и глубине очень различно. В миру можно спастись, но очистить сокровенные обители сердца от греховных помыслов и чувственных движений нельзя; бывают лишь редкие исключения, но исключение — это чудо, а не правило.

Если мы верим в силу благодати, если мы считаем великим счастьем хотя бы соприкоснуться с ней, как бы вдохнуть ее благоухание, если мы верим, что благодать, обитающая в сердцах святых, освящает и преобразует материальный мир, то подвиг безмолвия и жизнь монахов должны предстать перед нами как высшее служение Богу и высшее благодеяние людям. Недаром святитель

Иоанн Златоуст считал, что преподобный Антоний равен апостолам.

Учение о благодати, освящающей мир, и о молитве как о реальной духовной силе, которая может исцелять больных, будить совесть грешников, низводить благословение Божие на землю, сжигать, как пламя, грехи людей и даже изменять ход истории, — это учение святых отцов, это основа всей православной аскетики.

Для мира нужны внешние действия: видимые, осязаемые и эффективные. Его герой — это целое поколение, погруженный в мирские заботы, живущий для людей — но не для их душ, а для их земного благополучия: что-то вроде религиозного Стахана. Забыв о благодати, этот мир не понимает монашества. Оно кажется ему ненужным и даже отжившим институтом, который если и нельзя уничтожить, то надо, по крайней мере, приземлить и обмирщить, навязать несвойственные ему мирские дела.

Мы стоим перед реальной опасностью — модернизации монашества, которое будет делать все что угодно, но только не заниматься безмолвием, молчанием и молитвой; это будет монашество не как сокровенная, внутренняя жизнь, не как проводник благодати на земле, а монашество как некая внешняя форма для совершения добрых дел, монашество, которым может манипулировать мир, которое само остается частью мира.